

ПРОЛОГ

Слава стояла посреди леса на уютной солнечной полянке. Ветер ворошил листья берез, мелко шелестели осины, покачивались стволы кряжистых сосен.

Слава посмотрела вверх. Солнце светило мягко и ласково, не ослепляло, не обжигало. Опять шум осин, как будто кто-то быстро перелистывал плотные страницы книги. Почему деревья шумят так по-разному? Дубы — с тихим гулом, сосны — со скрипом, березы — радостно, как смехом заливаются, а осины всегда тревожно, всегда с нервным шелестом.

Если бы Слава могла, она бы обхватила одно из этих стройных деревьев с небольшими круглыми листочками, прижалась к стволу с серой корой всем телом и постаралась успокоить, остановить эту вековую дрожь.

Удивительно пахло ландышами и грибами. Разве так бывает? Как могли встретиться запахи весны и осени? Может быть, это сон? Да нет же, во сне не бывает запахов, не ощущаются порывы ветра, а здесь — все реально. Почему тогда она — блондинка, и у нее кудрявые волосы, и кто этот мужчи-

на напротив — высокий брюнет с красивым скуластым лицом, в костюме? Пиджак надет поверх синей олимпийки, так давно уже никто не носит. Похожую олимпийку с молнией-змейкой на груди носил еще Славин папа. Синяя олимпийка с белой отделкой по вороту и манжетам.

Мужчина улыбался Славе, как улыбаются очень близкому и родному человеку. Во взгляде столько любви, столько нежности! Слава почувствовала эту нежность так, как будто она была вложена в прикосновение, а не во взгляд.

Вдалеке лаяли собаки, легкий ветерок развеивал Славинны кудри, а молодой мужчина все смотрел, смотрел и улыбался. Черные волосы с небольшой проседью зачесаны назад, руки скрещены на груди. Мужчина стоял, широко расставив ноги. Так стоят спортсмены или просто уверенные в себе люди. Подбородок немного приподнят, голова чуть склонена набок, во взгляде читается вопрос. Мужчина как будто спрашивает: «Где ты? Почему тебя так долго нет?» Взгляд немного беспомощный и виноватый.

1

Так Слава и проснулась: с ощущением счастья и с улыбкой на губах. Приснится же такое! Почему она вдруг стала блондинкой? Слава всегда была рыжей, никогда цвет волос не меняла, хотя мысли такие были, да и парикмахеры советовали. «У вас очень белая кожа, но конопушек никаких, вы вполне можете отойти от рыжей гривы, в вашем случае она смотрится неестественно. Снежная зима».

«Как могут быть неестественными натуральные волосы?» — думала Слава и не шла на поводу у мастеров.

Ну, собаки — ладно, это к друзьям. Сегодня она встречается с Ритой, вот тебе и собаки. Почему они лаяли беспрестанно, тоже ясно: Рита болтает без остановки. Естественно, скучает по русской речи. А вот мужчина, кто это?

Как правило, Слава во сне видела реальных людей, а этот человек был ей абсолютно незнаком. Она видела его впервые. Вот одет он был как папа. Странно. Может, это к тому, что она давно не была у папы на могиле?

И сразу пришло чувство легкого стыда. Ну как же так. Вот вернется из командировки, и надо сразу же сходиться. Не откладывая. Слава знала, что это важно и для мамы, и для нее самой. Можно ли напитаться энергией на кладбище? Странно, но в ее случае именно так и происходило. Кто-то в церковь ходит, кто-то в баню, кто-то к психологу, а она — к папе на кладбище.

Решено: возвращается, и сразу же на Николо-Архангельское.

Слава посмотрела на часы. Семь тридцать, нужно вставать и идти в ресторан завтракать.

Она еще раз попыталась ухватить какую-нибудь нить сна. Если немедленно не сосредоточиться, все подробности улечутся, и Слава уже никогда не поймет, зачем ей приснился этот сон. А может, и не нужно понимать? Когда-то она жила по снам. Вычитывала в сонниках их значения, расшифровывала, следовала, как ей казалось, советам, которые услышала ночью... Потом перестала обращать внимание. Только время тратить. Но в этом сне хотелось остаться — его настрой был таким... теплым, что ли.

Она встала с кровати и подошла к большому зеркалу. Да нет, такая же рыжая, с копной непослушных волос и достаточно стройная. Та женщина, из сна, была полноватая. Странно, что во сне человек может видеть себя со стороны.

Слава растрепала волосы, чтобы немного взбодриться, потянулась и пошла в ванную комнату. По дороге нажала на телевизионный пульт, нашла ново-

сти. Это всегда только фон и еще возможность видеть время и, собираясь, ориентироваться на него. Семь тридцать пять. И на дворе две тысячи тринадцатый. Или просто тринадцатый? Это цифра никогда не была для Славы приносящей беду, и все-таки пусть будет красивая дата, полностью.

Когда-то, в далеком детстве, Слава думала, а как это будет в двухтысячном году? Она же станет древней старухой. Тридцать шесть лет, что это за возраст? Она даже представить себя не могла тридцатилетней. Почему-то могла сорокалетней, ясное дело — жизнь позади. В пятьдесят — это уже не жизнь, а так, доживание. Все, возвращаемся с ярмарки!

То есть до двадцати еще весело едем на ярмарку. Ну ладно, пусть будет до тридцати. И все весело, потому что впереди нас ждет праздник, полный развлечений, сюрпризов, подарков, ярких красок и смеха. А потом — все! Все с горы. Да, юношеский максимализм. И вот уже рубеж пройден, и можно оглянуться назад и спросить у самой себя: а что такое тридцать шесть лет?

Как выяснилось, тридцать шесть лет — это тот же подросток. И ветер в голове, и тот же юношеский максимализм, и сильно не задумываешься о том, что дальше. Впереди еще вагон времени и четкое ощущение, что до ярмарки еще ехать и ехать! Все самое интересное только ждет!

Сегодня ей сорок шесть, она зрелая молодая женщина. И ярмарка как раз здесь и сейчас. Просто жен-

щиной она станет, наверное, в пятьдесят. Но скорее всего все-таки в пятьдесят шесть или вообще ближе к шестидесяти. Да, шестьдесят лет — возраст абсолютного счастья. Об этом Слава как-то прочитала в немецком журнале. И уже не удивилась, поверила — так и есть. Возраст, когда женщина лишается сразу всех комплексов, она больше ничего и никого не стесняется, ей все по плечу, у нее есть деньги, чтобы хорошо выглядеть, есть время заниматься собой.

Но тем не менее миллениума она ждала. А что впереди, как оно будет, в другом тысячелетии? Получалось, что люди, перешагнувшие порог, — участники большой истории. Им предстояло жить сразу в двух веках. Не всем такое суждено.

На удивление мало все изменилось. Так же жили, так же бежали на работу, ругались, радовались солнцу, прятались от дождя. Никакой сказки, никакого чуда.

Во всем этом новом тысячелетии Славу раздражало только одно: когда год обзывался одной цифрой. Допустим, «это случилось в первом году, а это — в третьем». Это казалось ей несправедливым по отношению к масштабности события. Ну какой он первый? Разве так можно?! Поэтому она всегда и везде использовала для года четырехзначный формат: это случилось в две тысячи седьмом году.

Да, она во всем была человеком конкретным. Именно это качество и помогло ей несколько лет на-

зад создать и возглавить успешный на сегодняшний день журнал. Романтика в ее натуре тоже присутствовала, но никогда не могла увести в сторону от того, что задумано.

* * *

Слава никогда не изменяла себе, на завтрак всегда брала кофе. Чай — это уже потом, в течение дня. И никак зеленых сортов, никакой мяты и бергамота. Только черный. Можно добавить лимон. Но день хорошо начинать с кофе — своеобразного наркотика, заменяющего сигареты и все остальное, вредное и для организма не полезное.

Американо с молоком и без сахара. Кофе обязательно должен быть очень горячим. И такое же горячее молоко.

Эта фраза произносилась всегда, и сегодня была сказана официанту с неизменной улыбкой и немного виноватым пожатием плеч. Ну что поделать, я не привередливая, просто день длинный, еще и рабочий. Заряд бодрости получен будет именно здесь, так пусть же и настроение соответствует прекрасной солнечной погоде, установившейся в эти октябрьские дни.

Опять октябрь. Как тогда. Она хотела вернуться в этот отель, ей было интересно еще раз взглянуть на красивую лужайку через огромную стеклянную стену ресторана, еще раз пройтись по прямым тихим коридорам отеля, утопая каблуками в длинном ворсе

ковров, и пусть портье улыбаются в этот раз ей, а не ее спутнику из прошлого. Это ОНА заказала номер, ОНА за него платит, ОНА никого не сопровождает.

* * *

В прошлый раз Слава испытала шок от этой сумасшедшей роскоши, от респектабельности, в которую нежданно-негаданно окунулась. Как ей казалось, толком она тогда даже ничего и не разглядела: неудобно было вертеть головой по сторонам, поэтому в основном она смотрела под ноги и улыбалась.

А на поверку вышло, что все она прекрасно помнит! Даже швейцар, который вчера открывал перед ней дверь, был тот же самый, и портье, который нес за ней чемодан.

Портье из мальчишки превратился в приятного молодого мужчину, швейцар немного постарел, но ему это шло. А она сама, Слава? Как выглядела она? Сколько лет прошло? Восемь? Она стала лучше, она это точно знала. Между прочим, благодаря этому отелю тоже.

Да, за это время она очень сильно изменилась. Превратилась из принцессы в королеву. Или, скорее, все-таки из служанки? Конечно, из служанки. Славе нравилась эта классификация, недавно вычитанная в каком-то модном журнале. Служанка-Принцесса-Королева. Служанки мечтают о доброй фее, прин-

цессы — о прекрасном принце. Королевы не мечтают, а действуют.

Служанки верят, что чудеса случаются, с принцессами они действительно случаются, а королевы творят их сами. Служанки слабы, но кажутся сильными, принцессы сильны, но кажутся слабыми. Королевы обходятся без маски. Служанки во всем винят себя, принцессы — других, королевы — делают выводы. Служанки не умеют побеждать. Принцессы не умеют проигрывать. Королевы не соревнуются.

Конечно, в первый раз она вошла в этот отель как та самая служанка. Ей не нужен был никакой принц, а вот чуда хотелось. Неуверенности в себе было море, чувство вины — постоянное, всегда можно найти причину, недовольство собой — тоже. Какая уж там принцесса! А о королеве и говорить не приходилось.

Да, учиться можно начинать и в сорок лет. Тогда ей только-только исполнилось тридцать восемь.

* * *

— Мадам, еще кофе?

— С удовольствием. Выпью глоточек. И молоко.

— Да-да, и обязательно горячее молоко. Я помню.

Сделаю для вас с удовольствием. Позвольте, я налью сам. Какой сегодня чудесный день, не правда ли? Висбаден в такую погоду особенно красив. Вы были в нашем музее?

— Нет, но в этот раз обязательно схожу. Вы советуете?

— Вы не будете разочарованы, я вас уверяю. Еще что-нибудь? Может быть, свежую газету? Ну, не буду вам мешать. Хорошего дня.

Сколько Слава бывала в Германии, столько ее удивляли невероятной красоты немецкие разговорные обороты. Особенно это касалось ненавязчивых милых бесед ни о чем с официантами в кафе, с продавцами в магазинах.

«Будьте так добры... Будьте так любезны... Я буду рад заплатить вам... Сейчас настал самый приятный момент, момент оплаты».

Да, момент оплаты у немцев — это всегда весело, всегда с шуткой и улыбкой. Причем чем дороже ресторан (магазин), тем шуток больше и преамбулы изысканней.

Как верно... Мы расстаемся с довольно крупной суммой, так пусть нам будет ее не жалко. Ну, или не так жалко. И пусть у нас будет понимание того, что мы платим за необходимое, за самое лучшее, и никогда не вспомним о деньгах, о том, что много потратили. Мы потратили на дело, для себя, и мы это заслужили.

Совсем недавно в одном интервью у Славы спросили: «А как вы относитесь к деньгам? Они для вас важны?»

Слава не раздумывала над ответом. Ее коробили слова, что деньги — мусор, что они ничего не значат, что быть счастливым можно и без денег.

Значат. Еще как значат! Разве, не имея денег, она пила бы сейчас кофе в лучшем отеле Висбадена, а перед ней с милой улыбкой в достойном поклоне стоял официант? Черта с два!

Другое дело, ей никто эти деньги не дарит, она их честно зарабатывает, работая много и усердно. Именно деньги дали ей свободу, уважение других людей, приблизили к тому самому архетипу королевы.

У нее практически не бывает выходных, она не умеет смотреть в потолок, лежа на диване. Если уж и легла на диван, то с журналом, прочитать нужную статью, а если смотрит телевизор, то обязательно найдет-ся в передаче та фраза, которую она так давно искала, и обязательно это будет ответ на волнующий вопрос, который поможет решить сегодняшнюю проблему.

Каждый вечер перед сном она прокручивает в голове прошедший день. Лучше сказать, пролетевший. Что сделала, что успела. И каждый раз с удовлетворением ставит себе зачет: много успела. День был плодотворным, насыщенным, можно идти дальше. И обязательно составляет план на завтра, и есть план на неделю, а по поездкам — на год вперед, билеты куплены на ближайшие полгода. На рабочем столе лежит календарь, где маркером отмечены дни, когда она не в Москве, чтобы не случилось накладок. И, как правило, они не случаются.

Ритм взят, и он выдерживается. Кто-то завидует, кто-то удивляется: «Как так можно жить? Когда ты отдыхаешь?»

А вот сейчас, к примеру! Когда она пьет кофе и смотрит сквозь стеклянную стену ресторана на дивный по красоте парк. Самый что ни на есть удивительный и роскошный отдых. Нужно просто уметь зафиксировать момент. Момент счастья.

Висбаден. Чудо из чудес. Респектабельный маленький городок для состоятельных (Слава не любила это слово), вернее сказать, — состоявшихся людей. Тогда, восемь лет назад, она ничего не знала ни про респектабельность городка, ни про элитарность отеля. Немного поразили огромные часы на ресепшене. «Константин Вашерон». Вроде как марка уж больно известная. Огромные, круглые, ничем не примечательные часы. Вот только марка. Совпадение или тот самый Константин?

Она позволила себе спросить, хотя понимала, что спрашивает слишком часто:

— А что, бывают и настенные?

Ее спутник тогда усмехнулся.

— Бывают. — И снисходительно посмотрел на напуганную молодую женщину. Ему приятно было открывать для нее новый мир.

Да, Слава смотрела на все эти чудеса широко распахнутыми глазами. Надо же, часы, которые стоят тысячи долларов, висят на стене. Это ж какая у них должна быть цена?!

Слава усмехнулась и аккуратно помешала кофе. А может, и вовсе не нужно вспоминать и сопоставлять? А почему, собственно, и нет? Что ж самой се-

бе противоречить? Приехать — приехала, а вспоминать, значит, не будет? Конечно же, она приехала сюда, чтобы вспомнить. Сказать самой себе: я смогла, я пережила ту историю, мне больше не больно, и я сама хозяйка своей судьбы.

Тоже мне, часы он ей демонстрировал. Хотя, хотя... Многое было сделано и вопреки, и наперекор, и чтобы доказать. Но не будем злыми. Благодаря тоже. Именно с Висбадена начался для нее тот совершенно новый мир, о котором даже не мечталось, не думалось. Именно с этого города.

Она всегда была реалистичным человеком. Зачем мечтать о личном самолете или подводной лодке? Оно ей надо? А вот о себе как личности мечталось. И все в ее жизни случилось. Она личность, она собой довольна. Но она одна. А может быть, есть и дорога назад? Вот в тот самый мир, где их было двое? Тот ее спутник ведь сегодня свободен. И она тоже.

2

Красивый зал ресторана устлан коврами, на столах — накрахмаленные скатерти цвета само¹. Сервировка скорее соответствует ужину, нежели завтраку.

---

¹ От французского *saumon*. Лососевый, розовато-желтый цвет.

И официанты в белых смокингах и бабочках. На каждом столе композиция из свежих цветов.

Слава незаметно потянула носом. Все правильно, только что срезанные розы, причем на каждом столе розы только одного тона. Где-то белые, где-то лимонные, где-то пурпурно-красные. Она сама тоже хорошо смотрелась в данном интерьере, и она это знала. Уже вошло в привычку брать с собой в командировки наряд не только для ужина, но и для завтрака. Обычно это легкое шерстяное платье (не забываем про кондиционеры) и туфли без каблука. Все должно соответствовать обстановке, но при этом быть удобным, не нарушать общей атмосферы.

Сегодня она тоже была в платье красивого синего цвета. Благодаря рыжим волосам ей шли практически все цвета. Прямой силуэт, короткий рукав, классическая длина до середины колена. Туфли светлые, их же она потом сможет надеть с джинсами (чемодан тоже не резиновый, нужно, чтобы все компоновалось между собой). Волосы она забрала в тугий конский хвост. В течение дня она его распустит, а пока пусть будет так.

Слава ненавязчиво, но с интересом рассматривала сидевших в зале за столиками постояльцев отеля. Это тоже было одним из любимых занятий и также являлось отдыхом. Допивая первую чашечку кофе, она сразу обратила внимание на красивую пару, неторопливо и с достоинством вошедшую в ресторан отеля. Очень пожилой элегантный мужчина (можно

было бы назвать его и стариком) вошел, поддерживаемый под локоть своей женой. Жена была лет на двадцать моложе. То есть ему лет восемьдесят, ей лет шестьдесят.

Оба высокие. Он, правда, согнувшийся с годами, но продолжавший гордо держать голову (для этого приходилось немного вытягивать шею, ну, раз уж спину распрямить невозможно). Она — с осанкой, как у балерины, и с красивым вывертом ноги, практически по третьей позиции. Пожилая дама знала и про ноги, и про выверт, поэтому узенькие брючки в клетку открывали красивые лодыжки.

Вот где королева, подумала про себя Слава. Королева является! Причем с эскортом. Поглядите все: это мой муж, это я, у нас все хорошо, и мы любим весь мир.

Жена помогла мужчине сесть за столик. Официант уже стоял наготове, отодвигая стул и с улыбкой задавая на первый взгляд ничего не значащие вопросы: хорошо ли спали, все ли в порядке с настроением. Легко и непринужденно подчеркивал, что их номер на втором этаже невероятно удобен. Вид из окна фантастический, и как же хорошо, что в это время он может видеть здесь эту пару, своих любимых и уважаемых гостей! Ведь еще неделя, и начнутся дожди. Ох уж эти дожди в Висбадене! Что нам дожди тропические? Тот, кто о них рассказывает, никогда не бывал в Висбадене. Да, хорошо, что зонты в отеле большие. Естественно, до такси тоже нужно как-то дойти.

Разговор течет и течет. Совершенно ни о чем, но он поднимает настроение. Мы не привыкли к таким разговорам, нам подавай тему. Здесь нет темы. Дождь вот. Это тема?

Вот ведь интересно... Поначалу Славу ужасно раздражала манера немцев говорить ни о чем. А потом она поняла: это искусство. Причем чем выше и достойнее общество, тем витиеватее и длиннее эти разговоры «ни о чем».

Сейчас ей чертовски приятно было попивать кофе и слушать, как изысканно обсуждают эти трое дивный вид из окна и особенности октября в Висбадене. Да-да, даже официант в курсе того, что эта пара занимается люкс на втором этаже. Это отель премиум-класса. За завтраком вас не спросят, в каком номере вы остановились, не будут долго и нудно искать вас в списке постояльцев и ставить галки напротив вашей фамилии.

А могут и не найти, как недавно случилось со Славой в Берлине. Разведут руками и скажут, что у вас номер «без завтрака». Слава в тот раз была со своей коллегой по работе, причем коллега была приглашена. Заминка вышла неприятной, пришлось подписывать какие-то бумаги, стоять в проходе, изображая бедных родственников. И кофе уже пили без настроения и с некоторым напряжением. Самое интересное, что минут через десять подбежал запыхавшийся менеджер: их фамилии все же нашли. Менеджер извинился за досадную оплошность. Прямо перед носом

у Славы порвал подписанный ею счет за ненадобностью, но настроение было подпорчено. И все-таки вот подбежал, порвал, извинился... Это тоже очень по-немецки.

Слава удивлялась сама себе. Где она живет? В России же и вообще все не так! Но она уже выбирает между Германией и Германией. Про Россию что там говорить. Недавно она как раз ждала свою коллегу в очень даже престижном ресторане на Большой Никитской.

Коллега опаздывала, поэтому Слава заказала капучино и листала меню. Мимо бегал официант. Она попросила его принести еще одно меню для коллеги, ну так, опять же по привычке, чтобы поддержать какой-то разговор.

Официант принес еще один капучино. И опять же Славе показалось, что она в Германии. Поблагодарив и извинившись, она отказалась от кофе, заметив, что официант ее просто не понял. Он быстро унес чашечку со словами «никаких проблем». И потом, уже в присутствии коллеги, вдруг сказал, что, к сожалению, кофе будет включен в счет. И таки включил его!

У Славы не было другого выбора. Она не хотела портить начало встречи, хотя, если бы была одна, обязательно довела бы эту историю до конца, в крайнем случае пошла бы к администратору. Она так долго ждала эту самую коллегу, что могла и сама тот кофе выпить.

Да... Неприятные воспоминания. В Германии такое в принципе невозможно. А уж применительно к кофе так и вообще странно.

А уж в этом отеле и вообще все по-другому. Вам сразу при входе скажут: «Доброе утро, фрау Карелина, надеюсь, вы хорошо спали, вам повезло с погодой!» И это не мелочи. Это включено в стоимость.

Официант в легком поклоне, подчеркнуто уважительно, продолжал вести беседу с пожилой парой:

— Господину, как всегда, черный чай с молоком, а для мадам капучино? Газеты мадам выберет сама?

— Все правильно, все как всегда. Должны же у моей жены оставаться хоть какие-то супружеские обязанности? — Пожилой господин подмигнул официанту.

Все трое дружно рассмеялись, и день начался с позитива.

Слава улыбнулась сама себе и сделала глубокий вдох: хорошо! Все очень хорошо! Ну что, нужно потихонечку вливаться в расписание дня. Выставка на целый день, а вечером встреча с Ритой. Приятельница позвонила вчера, не успела Слава приземлиться в аэропорту Франкфурта.

— Ты на все выставочные дни или нет? Я улетаю на Тенерифе послезавтра, так что для встречи остается только вечер вторника. Поняла? Завтра. И чтобы ничего не намечала.

— А если я уже наметила?

— Значит, отменишь. Ты что, не слышишь? Я же послезавтра улетаю на Тенерифе!

Действительно, о чем это она? Маргарита же улетает на Тенерифе.

Слава понимала: ничего важного не стряслось, просто давно не виделись, Маргарите хочется вывалить на нее все свои новости и наконец всласть поговорить по-русски. Вот так нужно решать дела! Я могу только сейчас, и баста. И хлоп телефонную трубку. А чего хочет собеседник? А неважно. Подстроится!

И вот ведь, пожалуйста, Слава будет подстраиваться. Более того, она уже перезвонила партнерам и попросила перенести деловые переговоры на среду, во вторник не получается никак.

Маргариту не исправить, и хорошо, что она у нее есть. Сегодня вечером будет масса хохота, масса смешных историй. И, что греха таить, можно будет рассказать о себе то, что знает только Маргарита, а подруга, в свою очередь, не будет ничего выпытывать, не будет зло ухмыляться и злорадствовать. Вот такая шумная и большая жилетка, в которую можно раз в год уткнуться и поплакаться.

* * *

— Доброе утро, мадам, — тихо произнес уже другой официант.

Слава подняла глаза, и ее как обожгло током — он тоже ее узнал, потому и подошел. Он, невольный свидетель той давней истории. Она узнала его, он ее тоже. Дал понять, что узнал, что рад ее видеть, но

никакого панибратства, никаких расспросов. Просто показал глазами: «Я вам рад», — не более того.

Это даже не относится к статусу отеля, обычная внутренняя культура. Слава кивнула в ответ: «Доброе утро».

Все, больше ни слова. Он никогда не спросит: «Вы одна?» — или еще того больше: «Почему вы одна?» Хотя, конечно же, он помнит ее спутника, ведь именно он обслуживал их столик в тот вечер.

Э

Восемь лет назад

Слава понятия не имела, что ей следовало надеть к ужину и как она должна выглядеть. Просто? Нарядно? Официально? Вкус у нее был, в этом она не сомневалась, но вот точно соответствовать моменту — это уже несколько сложнее. А когда в дело вмешиваются национальные традиции, то и вообще может случиться казус.

Слава посоветовала самой себе побольше уверенности и выбрала простой и, как ей казалось, достаточно элегантный наряд. Строгая черная юбка определенно ей шла: у нее хорошая фигура, красивые ноги. В юбке главное — длина, и каждая женщина должна точно знать свою. Для кого-то это четыре сантиметра выше колена, а у Славы — ниже колена.

И ноги кажутся еще длиннее, а лодыжки еще тоньше. Маленький свитерок леопардовой расцветки Слава считала и ярким, и нарядным. Это уже потом она стала аккуратнее с леопардовыми принтами, а в то время такие тонкости стиля были ей неведомы.

Она прилетела во Франкфурт с небольшой дорожной сумкой. Джинсы, пара футболок — с коротким и длинным рукавом, вот эта нарядная леопардовая водолазка и шикарные туфли. Черные, лакированные, на огромных золотых каблуках. Именно они были самой яркой и дорогой частью ее туалета в тот вечер.

Слава еще раз придирчиво осмотрела себя в большом старинном, покрытом патиной зеркале. Если чистоту, то юбка была самая обычная, но очень хорошо на ней сидела. Кофточка тоже была куплена в универмаге напротив исключительно из-за яркой расцветки. Ни к каким брендам отношения не имела, но Славу освежала. Вот туфли — итальянские, дорогие и стильные — стоили Славе целого состояния, и сегодня она похвалила себя за то, что все же решилась их купить! И бросить в сумку в последний момент. А ведь сомневалась! И жалко было. Что хорошую вещь по командировкам трепать?

Но сегодня это было то, что нужно. Ни больше ни меньше. Немного блеска для губ и чуть-чуть духов. Как говорила Шанель? «Духи — это тоже одежда». Главное, чтобы эта одежда идеально соответствовала твоему имиджу, статусу и не раздражала окружающих. Вроде все соблюдено.

«Неплохо», — вынесла Слава окончательный вердикт.

Господин Норберт Майер уже ждал ее на ресепшене, прохаживаясь взад-вперед.

Она отметила, что одет он был достаточно спортивно. Темные брюки, пиджак в мелкую клеточку, светло-голубая рубашка и яркий галстук. Тогда она еще не знала таких названий, как «Миссони». Про «Бриони» слышала, но исключительно из-за огромной любви к Джеймсу Бонду.

Да, тогда наряд Майера ее не особо впечатлил. Более того, она с облегчением выдохнула: все в порядке, она идеально соответствует своему спутнику, и как хорошо, что не взяла с собой никаких вечерних платьев. Подумалось: он в спортивном, она в спортивном. Может, даже не стоило тащить с собой парадные туфли, еще сломается каблук, не дай бог, в багаже! Вторую пару таких же ей точно не осилить. Ради одного-то сегодняшнего ужина с этим непонятным немецким господином. Ну да ладно, уже привезла. И практически украсила собой клетчатый неброский силуэт немецкого партнера по бизнесу.

В ресторане играла тихая музыка, на столах горели свечи в красивых канделябрах. Пол тогда еще не был застелен коврами, и Слава неестественно громко простучала каблуками по гладкой поверхности идеального паркета. Ей показалось, что ее спутник немало скривился от издаваемого ею шума, и она по-

старалась идти потише, для чего приподнялась на цыпочки.

Их подвели к красиво накрытому столу, и официант, вот как раз тот, который сейчас ей улыбался, бесшумно отодвинул за ее спиной стул.

— Прошу, мадемуазель.

Да, восемь лет назад она была абсолютным ребенком. Ее тридцать восемь были только в паспорте, больше двадцати пяти никто и никогда не давал.

— Извините, столик, который вам так понравился, уже зарезервирован, мне очень жаль. Но поверьте, этот ничуть не хуже. Отсюда открывается панорама нашего сада. Скоро зажгутся огни, и вы увидите, насколько это красиво. Желаю вам хорошего вечера.

В это время к соседнему столику, который, как поняла Слава, безуспешно пытался зарезервировать Майер, подошла пара. Мужчина и женщина средних лет показались Славе жителями другой планеты. Даже двигались они бесшумно, как будто ступали по воздуху, а не по начищенному паркету. Он — в темном костюме и молочного цвета рубашке, вроде бы ничего особенного, но смотрелся ансамбль невероятно элегантно. Садясь за стол, мужчина небрежно расстегивал пуговицу на пиджаке, слегка приподнимал рукава у пиджака и показывал запонки.

Изысканная простота. Запонки, цвет рубашки, костюм черного цвета. Да, кавалер. А вот она... Слава впервые увидела то самое маленькое черное платье

таким, каким оно должно быть. Женщина была лет пятидесяти, хорошо сложенная, достаточно высокая, с очень светлой кожей. Черные туфли без каблуков, платье без рукавов, вырез лодочкой и двойная нить жемчуга. Больше никаких украшений. Волосы убраны в безупречный хвост. Ничего лишнего, ничего вычурного.

Прежде чем усесться окончательно, пара повернула головы к их столику и непринужденно поздоровалась. Дальше весь вечер мужчина и женщина не отрывали глаз друг от друга.

— Вот что значит настоящая элегантность! — констатировал Майер.

Слава слегка напряглась и тут же почувствовала всю неуместность своего наряда. Но, в конце концов, она же в командировке! И она — иностранка! Сама себя Слава пыталась успокоить так: ее не предупредили, что будет выход в свет, и ее кофточка ей идет, освежает! И что хорошего в этой бледной кикиморе с тонкими немолодыми руками и практически без косметики?!

Слава напряженно улыбнулась Майеру. Да нет, он прав. Все в даме хорошо, потому что есть стиль, есть уверенность в себе и есть цена этого наряда.

Это потом уже Майер научил ее немецкому слову *klamoten*, то есть шмотки, и научил отличать *klamoten* от вещей. Но уже тогда, в ресторане, Слава впервые увидела огромную разницу между ними. Тогда она никак не применила этот новый опыт: чув-

ствовала себя чуждой этому миру, и скоро она вернется в свой мир, где ее леопардик вполне уместен.

Но разницу почувствовала.

4

Маргарита неслась ей навстречу.

— Про работу ни слова! Я же не говорю про работу!

Слава расхохоталась и кинулась обнимать подругу.

— Посмотри на себя, ты опять похудела. Сколько можно так пахать, дурында молодая? Куда ты едешь в этом году отдыхать? Ты знаешь, так повезло! Едем с Эдиком на Тенерифе. Практически даром. Такая акция в ТУИ. Вы тоже можете ездить через ТУИ.

— Рита, ну что ты говоришь, какая туя в Москве?! И вообще, что это такое?!

— Ой, темнота, это фирма туристическая такая. Ой, Славка, как вы только живете — пещерный век!

Слава слушала Риту и расслаблялась. Рассказы лились нескончаемым потоком, к этому она уже привыкла. Маргарита обладала совершенно превосходным и уникальным даром говорить за двоих: сама спросила, сама ответила. И это абсолютно не напрягало, даже наоборот. День был сложным. Во-первых, разница во времени, во-вторых, вчерашний перелет: в голове еще немного шумит.

Слава приезжала на книжную ярмарку уже третий год подряд. Она обожала атмосферу выставки. Десятки тысяч издателей, книготорговцев, литературных агентов, библиотекарей и, конечно, писателей съезжаются в октябре во Франкфурт. Эту выставку иногда называют «матерью всех книжных ярмарок». Что-то в этом есть, нужно приехать сюда хотя бы один раз, чтобы поверить этому.

Новейшая история выставки началась в 1949 году, и с тех пор Buchmesse, или книжная ярмарка, проходит в центре Германии ежегодно, став крупнейшим книжным форумом планеты. Есть подобная весенняя выставка в Лейпциге, но это уже не то. И дело даже не в размахе, а в атмосфере.

* * *

Рукописями во Франкфурте-на-Майне торговали еще в Средние века, а великий Гутенберг, который изобрел в пятнадцатом веке книгопечатание, ездил из родного Майнца именно во Франкфурт продавать свои первые книги. Позже сюда стали съезжаться издатели и книготорговцы со всей Европы. На время ярмарки в Кельне снаряжали даже особый корабль, который доставлял во Франкфурт гостей. В прошлом году выставка проходила под эгидой года Китая. Две тысячи десятый год — год Аргентины.

Слава была издателем достаточно популярного глянцевого журнала о путешествиях. Впрочем, она

не любила слово «глянцевый», хотя, естественно, в ее журнале присутствовали и рецепты, и разговоры о моде. И все же основным были серьезные статьи о странах и континентах, советы врачей и психологов, странички юристов и бизнесменов. Да много всего. И, конечно же, много места в каждом издании было отдано под рекламу. Тут уж никуда не деться. Именно реклама, согласно известному постулату, двигала журнал вперед. Но нужно находить грань. Ту тонкую черту между объемом рекламы и статьями, благодаря которой читатели должны эту рекламу увидеть, обязательно ею воспользоваться, но все это должно быть как бы между строк. Не стать главным. Главное все же — это интересные темы статей и их живой стиль.

Книжные выставки-ярмарки Слава старалась не пропускать, считала их важными. Можно завязать новые знакомства, назначить встречи с потенциальными партнерами. Ну, и подышать воздухом книжного бизнеса. Что у нас в моде сегодня?

Но выставка — это всегда и огромная нагрузка. Шутка ли, обойти все десять павильонов, а это без малого сто семьдесят две тысячи квадратных метров! При этом, как правило, экспозиции расположены на нескольких этажах. У Славы на этот случай всегда имелись запасные туфли в огромной сумке-бауле. Ну и посмотреть саму выставку тоже нужно: пробежать через новые стенды, набраться идей, что-то почерпнуть, что-то, наоборот, вычеркнуть, взять материалы в Москву.

Раньше Слава еще и набирала целую кипу рекламной продукции. Сейчас ничего этого уже не нужно, все можно найти в интернете, нужны только адреса сайтов. Стало легче? Наверное. Но! Постоянные споры, что такое интернет — благо или вред. Вот сейчас, на этой самой выставке, она скажет — вред. Раньше она вечером, перед сном в гостинице, беглым взглядом просматривала найденное на стендах, сортировала, что более интересно, что менее. Утром после завтрака уже более осмысленно просматривала отсортированную пачку рекламных проспектов и шла на выставку с идеями и вопросами, а не просто погладеть, авось что в голову придет. Сегодня ходила вот именно так, не было особой системы. И многое нужно было держать в голове. Вот сейчас — голова совершенно забита, нужно не забыть главного и сделать хотя бы короткие записи.

А с другой стороны, что-то не отложится, и ладно. Первый день — он всегда спланированный. И намеченные загодя переговоры, и принятые сегодня решения, — все было предсказуемым. Следующие два дня, как правило, вытекали из первого. И обязательно нужно было оставить время на непредвиденное. Никогда еще Слава Карелина не уезжала из Франкфурта без свежих идей для новых рубрик своего журнала.

Встречи, разговоры, форумы и круглые столы... Какие-то разговоры совсем незначительные, ни о чем, лишь засвидетельствовать свое почтение, ка-

кие-то — очень важные, к каким-то она готовилась специально. Нужно решать проблемы, вести переговоры на перспективу.

Слава заметила: в этом году намного сильнее, чем раньше, представлена электронная книга. С традиционной, бумажной, она не конкурирует, а образует выигрышный для обеих сторон симбиоз, именно так выразился в своем интервью директор Франкфуртской международной книжной ярмарки Юрген Боос.

«Как сближаются, поддерживая друг друга, книгоиздательство и кино, так уже начали сближаться с книгой новые технологии», — подчеркнул Боос.

Значит, пора готовиться и к журналам в планшетах. Проблема? Еще какая! Но все равно двигаемся только вперед! И для этого тоже нужно обязательно, отменив все дела, каждый год ездить на ярмарку во Франкфурте.

* * *

Рита трещала без умолку, выпаливала свои новости без конца и по внешнему виду Славы безошибочно, как ей казалось, угадывала, как у московской подруги идут дела.

— Вот ты совсем не отдыхаешь, по тебе видно. И чего ты все время летаешь? Ты знаешь, как это вредно? Там же кислорода нету. — Рита подняла ладони. — Кожа же сохнет. Ты видишь, какая у меня кожа? Да ты не на лицо смотри, на руки! Видишь? Как у младенца! Специально на косметические про-

цедуры хожу. Германия — это тебе не Россия. Возраст женщины определяется по рукам! Если руки ни к черту, все остальное можно даже не показывать.

Да, подумала про себя Слава, и об этом ей говорит пышка Маргарита? Женщина, возраст которой с первого взгляда определить довольно-таки сложно. А Маргарита секрет свой и не раскрывала. Зачем? Сами гадайте, если уж вам так неволегу узнать, сколько ей лет. У женщины возраста нет (это особенно если после пятидесяти). Есть состояние души. Этого вполне достаточно, лишь бы душа присутствовала.

Маргарита только последние лет пять начала рассказывать правду про свой возраст, до этого тщательно его скрывала. Вслух беспощадно срезала себе целую десятку, вечно прокалываясь на рассказах об общих знакомых. «Да мы с ней в одной группе в институте учились!», «Да она ж вся в подтяжках, ты знаешь, на сколько лет она меня старше!». И так далее.

Слава никогда не рассказывала Маргарите, что догадывается о ее возрасте. Зачем? Давняя подруга действительно выглядела просто прекрасно: молодая, улыбающаяся, подвижная. Рита периодически набирала вес, причем набирала серьезно. Но поправлялась она вся, всем телом, тут же меняла гардероб, начинала носить шарфы и длинные бусы и никому и в голову не могло прийти, что в нашей Рите с некоторых пор плюс семь! Да Дюймовочкой она никогда и не была, так что лишние килограммы мешали толь-

ко ей самой. С весом Рита боролась всегда, но, значит, не забывая и про ладошки. А вдруг и на них кто обратит внимание?

Слава вполуха слушала Риту, та уже перешла к обсуждению соседей.

— Нет, ну какие паразиты! Наш Максик топают?! Ты видела, чтобы коты топали? Он же не ежик. Я теперь на балконе молчу. Выхожу и молчу. Вслушиваются, ты понимаешь. И разносят информацию по всему дому.

— А ты что, на балконе по-немецки говоришь?

— Обалдела? Откуда? По-немецки я говорю исключительно в магазине и в банке. На родном балконе только по-нашему. Но эти заразы как-то научились переводить. Ой, Славка, но я все ж таки уже девятнадцать лет на этом балконе разговариваю. Видишь, какие они въедливые! — Рита наконец выдохнула: — Ну ладно, я все про себя да про себя. Про тебя не спрашиваю. Сейчас сядем в ресторанчике, такой тут уютный нашла, прелесть, тебе понравится, винтажный, и ты расскажешь все подробно. А пока я тебе еще про Глеба расскажу. Ну такой паразит оказался...

Да, Глеб всегда шел после Максика. Это было очень важно — рассказать про Глеба. Глеб долгое время был начальником, на которого Рита работала. Сначала оба были довольны друг другом, Рита практически считала Глеба сыном, он Риту — тетей. Ясное дело, земляки! Маргарита до переезда в Герма-

нию жила в пригороде Петербурга. Глеб доверял Рите все свои деньги, так как из родного Петербурга не выезжал и руководил бизнесом издалека. Рита как могла управляла компанией. Может, что и не могла, но работала честно.

Слава в каждый свой приезд во Франкфурт выслушивала очередные подробности из жизни несчастного мальчика. Да, умный, красивый, толковый, но никак не встретит свою судьбу. Ясное дело, этим проходкам нужны только его деньги. А у него душа! Вот поэтому сороковник, а все один. А как прекрасно он относится к Рите! Да-да, все так. И Слава тоже, ни разу в жизни не увидев этого удивительного Глеба, относилась к нему практически как к родному.

А потом Глеб женился на Свете и вывез ее на ПМЖ. Рита как в воду глядела, не удалось все-таки уберечь хорошего мальчика от молодой пираньи. Света тут же разобралась, что в Петербурге ей не очень интересно, и приняла решение прорываться на Запад! При этом пообещав Глебу поставить его бизнес во Франкфурте на новые, более современные рельсы. За границей Свете явно не нужна была тетя Рита, которая не только давала советы, но еще и присматривала. А к чему присмотр молодой двадцатилетней девице? Можно что и совсем ненужное заодно увидеть и с мужем информацией поделиться.

Света сама хотела управлять фирмой, ей не нужны были советы и действия Риты по старинке. Конечно же, разбитная девица могла бы поговорить с Ри-

той по-человечески, по-людски, объяснить, что, мол, сама попытаюсь, уступи, тетя, дорогу. Но, как выражалась Маргарита, «молодой стерве» это было не нужно, ей хотелось показать Глебу свою значимость. А как ее лучше показать, как не на отрицательном примере? Проводя параллели. Вот тебе старая кошелка Маргарита, которая за десять лет, прожитых в Германии, не научилась говорить без ошибок, а вот — молодая разбитная Света! Говорит, правда, Светка тоже не очень, но грудь колесом, знает, что такое «гешефт», и умеет строить глазки в банке.

Как ни странно, немецким банкирам Светкины глазки тоже оказались интересны. Рита не сразу заметила происки молодой бабы, не думала, что той захочется работать. Зачем? Ей же и так все дали! Это Рите дать было некому! А ей-то зачем? От скуки?

Риту вышибли из ранга тети в два счета. Глеб перестал с ней общаться, что для Маргариты было самым страшным. Она все ждала, что вот он придет, он все поймет, он опять будет с ней говорить за жизнь, а она, в свою очередь, давать ему нехитрые житейские советы.

За предыдущий год Глеб не пришел ни разу.

— Нет, ты можешь себе представить, встретила его в «Алди». Идет мимо, в каких-то шлепках. Он бы еще в трусах пришел. Кивнул мне: «Привет», и дальше понесся с тележкой. Тележка, полная пива. И это с его-то почками. Слава, люди до чего же странные. Ты же помнишь, что у нас с ним было?

— Да ничего у тебя с ним не было, — удалось вставить Славе.

Последние годы Слава про Глеба слушать не любила. Поскольку она и Глеба-то никогда не видела, а Светку тем более, и все про их жизнь знала только со слов Риты, сложно было вот так вот за глаза сначала полюбить, а потом резко разлюбить. Ей понятна была и точка зрения другой стороны. Она все понимала про Светку, которой нужно было окончательно привязать к себе Глеба, а как это сделаешь без наглядного примера? Для этого у Светки просто не было ни времени, ни мозгов. А Глебу что, разорваться? А может, он просто влюбился? Как это говорится про ночную кукушку и дневную? Да и им столько всего обсудить с Ритой нужно, стоит ли тратить время на Глеба? Он уже все равно в прошедшем времени. Вон, даже не остановился в магазине.

— Да? Ну это-то ты, конечно, права! Это ж никто не спорит, — легко согласилась Рита. — Ну как тебе кафе? Класс?

Кафе действительно заслуживало внимания. Милая французская провинция, перенесенная в центр Франкфурта. Стены покрашены в светлые тона, деревянные светлые столешницы, столики впрытык. Действительно, все как во Франции. Тесно, шумновато, не очень-то удобно, но при этом уютно. Какие-то

разномастные стулья. За столиком, где уселись Рита и Слава, с трудом найдя свободный уголок, Рита заняла красивое кресло, а Славе был предложен металлический стул с яркой диванной подушкой. Одно слово — эклектика. На затейливых полках (а их было много на стенах) восседали старые куклы, некоторые с облупленными носами, лежали грудями книги. И было видно: их брали почитать. Это все было не просто декорацией! А вот древняя швейная машина, кофемолка... Такое впечатление, что хозяева не раз прошлись по блошиным рынкам. Но как-то все было сделано со вкусом. Присутствовало чувство цвета, чувство меры. Всего было не слишком. В разумных пределах. В кафе царил атмосфера улыбки.

— Ну? — вопросительно посмотрела на подругу Рита.

— Потрясно! Значит, в этом безумном городе есть уютные уголки?

— Естественно, для тех, кто здесь живет!

Рита частенько ставила Славе на вид: де, зря она так не любит Франкфурт. Да, большой, шумный, на первый взгляд — город без своего лица. Но если ты долго в нем находишься, а тем более живешь, то обязательно находишь для себя свой город, который делается только твоим. Начинаешь по кирпичикам возводить свою историю, и для тебя город меняется. Ведь не секрет, что, приехав в самый известный и роскошный уголок мира, мы сначала смотрим на

него глазами путеводаителя или экскурсовода, далее — своего спутника. И только потом уже формируем свое мнение. А для Славы Франкфурт — это всегда выставка, огромные павильоны, до которых она добиралась на местном метро. Чему уж тут нравиться?

— И публика какая приятная... — Слава оглядывалась по сторонам.

— И публика у нас есть приятная. Вы же куда идете? Пиво пить и рульку есть? А я привела тебя туда, где общается деловая молодежь после работы. Приличная, заметь, молодежь.

Да, действительно, молодежь за столиками была одета не совсем типично для немцев. Вернее, для немецкой молодежи. Костюмы, рубашки, пуловеры, узенькие пиджачки. Девушки в туфлях на высоких каблуках и в стильных дорогих очках, под столами стояли дорогие сумки и портфели.

Как часто можно встретить немца в очках? Значительно чаще, чем русского у нас, в России. Недавно Слава заказывала себе очки в Германии. Поправилась оправа в витрине, решила зайти, узнать, сколько стоит и что нужно сделать для того, чтобы получить готовые стекла уже в оправе. Оказалось, что и зрение можно тут же проверить, и очки получить на следующий день. Правда, оправа из витрины оказалась безумно дорогой, но милая девушка тут же подобрала ничем не хуже и в два раза дешевле, а по акции, с наклеенными кружоч-

ками, и вообще можно было взять оправу бесплатно. Другое дело линзы — линзы стоили приличных денег, но опять же оптик-консультант доходчиво объяснила, зачем они нужны, почему тонкие стекла лучше толстых. И зачем нужно антирефлексное покрытие.

— И вообще я не понимаю, почему вы все приходите ко мне с заниженными показателями? У вас уже давно минус два, а в вашем рецепте — минус один. Причем у всех русских все одно и то же!

— Наверное, чтобы мы напрягали свои глаза, чтобы глаз работал! — бодро так тогда ответила Слава за всех русских.

— А зачем еще глазу нужно работать? Почему не дать ему отдых? Совершенно неправильная позиция. В Германии по-другому! — продолжала возмущаться продавщица.

Да, в Германии по-другому, оттого и столько очкариков в Германии. Но проверяла девушка Славу самым тщательным образом: фотографировала в 3D-изображении, примеряла очки. Подгоняла их к лицу и даже провела тест: что она больше любит, поливать цветы или читать книги. И это все, чтобы заказать банальные очки для чтения.

В Германии другой подход к жизни, к качеству жизни — живем не напрягаясь. И вот сейчас перед Славой сидела немецкая молодежь, которая совершенно была довольна своей жизнью. Эти ребята выбрали учебу и карьеру, сами выбрали, никто их не

принуждал. А могли бы пойти в официанты, и родители ими так же гордились бы и знакомым рассказывали: мол, сын моет тарелки. Тщательно и с радостью. И друзья бы согласно кивали: главное, что с радостью.

* * *

— Ну как ты?

И в этом была вся Маргарита. Сначала трещала без умолку, а теперь вот готова терпеливо слушать. Кивать, задавать наводящие вопросы. Как редко сегодня кто-то умеет внимательно слушать! Так, чтобы захотелось рассказать, так, что есть уверенность: тому, кто спрашивает, безразлично.

Они виделись редко, раз в год, а иногда и раз в два года, но Рита всегда была в курсе всех перипетий Славиной жизни. Как зовут племянника, что думает ее муж, даже имена сотрудников по службе знала. Она помнила про Славины проблемы в мелочах, запоминала даты и места. Раз Слава рассказала, значит, важно, значит, обязательно поинтересуется: а как сейчас? Редкое качество для современного человека. И это не мелочи. Хочется рассказывать тому, кому действительно интересно.

И Слава, сама того не замечая, рассказывала. Откровенно, с подробностями, так, как никому и никогда. Рита слушала, удивляла своими вопросами в точку:

— Погоди, он же развелся?

— Женился опять!

— Ясно.

— А диагноз у Симы сняли?

— Слава богу.

Ну и про себя Слава не утаивала, говорила как есть. Иногда даже слишком жестко. Рита была в курсе всех ее историй. И той, главной, которая началась восемь лет назад как раз здесь, недалеко от Франкфурта.

* * *

— Стало быть, все хорошо, — констатировала Рита, и Слава с легкостью улыбнулась.

— Да, — выдохнула она, — это так. Все позади, и я этому очень рада.

— Но та история была дана тебе неспроста, ты это понимаешь?

— Может быть, может быть. — Слава постаралась уйти от ответа. Она не хотела сознаваться в очевидном. Тот жизненный опыт только ее, и она ни с кем не хочет его обсуждать, даже с Ритой, хотя та и оказалась свидетельницей. Саму себя обвинять можно, но когда другие указывают тебе на ошибки, не очень то это приятно.

— Он помог тебе бросить этого своего Саввочку. И у тебя теперь есть Мишка! И Аркашка!

— Мишка — это да! Этот разбойник еще всем нам покажет!

— Ты бы не продвинулась так далеко вперед, не занялась бы литературой всерьез. А так смогла най-

ти себя. А сегодня ты еще и шеф-редактор такого крутого издания.

— Ты права, я часто об этом думаю. — Слава по-серьезнела. — И делю свою жизнь на «до» и «после». Честно, мне даже в этот город приезжать непросто. Я ведь впервые за восемь лет остановилась в этом отеле. Решила окончательно поставить точку.

Рита удивленно вскинула брови.

— Да нет, точка, естественно, давно уже стоит. И все равно, осталась какая-то обида, и где-то — потеря определенных жизненных возможностей. — Слава увидела удивленно поднятые брови Риты. — Ну не смотри на меня так. Все мы живые люди. И кажется: а что, если... Хотела прислушаться к себе. Что говорит то, мое, безотчетное.

— Ну, нашла у кого спрашивать. Ты это, подруга, брось. Мало ли что там тебе нашепчут. Кто ты там говоришь? Какое такое «безотчетное»?

Слава обернулась к официанту, который уже несколько раз подходил к ним и с пониманием поворачивал назад:

— Да-да, сейчас закажем. Мне, пожалуйста, цезарь с курицей и бокал рислинга. Рит, тебе? Ага, тогда то же самое. Два раза!

— Не нагнетай, Рит, я все сделала правильно. И эта точка теперь стоит, и она жирная, черного цвета. Вот.

Сказано вслух. Так ли это? Никогда ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

6

Восемь лет назад

Слава ждала багаж, и ее слегка знобило. И чего это она повелась на эту авантюру? Зачем ей это все нужно? Едет в другую страну на свидание с женщиной. Конечно же, можно говорить, что это командировка и она должна посещать компании-производители, расписан каждый день, немецкий коллега является директором компании и их партнером, стало быть, у них одни цели и задачи, предполагается в дальнейшем укрупнять совместный бизнес...

Вроде все так.

Слава еще раз глубоко вздохнула. Так, да не совсем. Зачем врать самой себе?

Ей давно нравился этот немолодой и очень приятный немец. Господин Норберт Майер. Один из поставщиков.

* * *

Официальные отношения есть официальные. Каждая встреча повторяет другую, в соответствии с протоколом. Когда Слава приезжала на очередной завод, сначала ее вели по производственным цехам. Надевала специальные очки, бахилы — и вперед. Каждый раз удивлялась стерильным корпусам, белым халатам, современным станкам с ЧПУ-управлением. Ра-

бочий стоит рядом, вводит программу и через стекло смотрит, как идет нарезка очередной детали. Потом экскурсия по заводу: здесь сборка, здесь прием качества, потом упаковка, и на склад.

Вторая часть переговоров — уже в демонстрационных залах, где можно протестировать готовый аппарат, потом собственно переговоры, как правило, с небольшой обеденной паузой. И вечером — совместный ужин, чаще всего с владельцем предприятия (положено по статусу), иногда — с первым замом или главным инженером. Здесь важно было сохранять баланс. Разговоры, естественно, крутились вокруг рабочих тем: Славе нужно было еще и еще раз вернуться к формированию цены и получению дополнительных скидок, и к самому больному — срокам поставок. Важно не давить и найти компромисс. Поэтому обсуждались эти самые сложные и очень тонкие темы между природой, погодой и обязательным ежегодным отпуском. Отпуск — это для немца святое. Он должен быть полноценным и таким, чтобы не стыдно потом рассказать. То есть как только переговоры зависали на неприятных моментах, тут же надо было вернуть:

— А куда в этом году? Вы же в прошлом году ездили в Испанию? Понравилось?

— О да! — Всегда приятно, когда помнятся вот такие мелочи.

— Вашей младшей ведь уже пятнадцать. Сложный возраст! Сама была в это время, по рассказам родителей, невыносимой.